

Наша газета в рубрике «Уроки истории» продолжает публикацию отрывков из книги полковника запаса Владимира Слабуки «В исключительных обстоятельствах» (Москва, издательство «Граница», 2015).

Он является автором нескольких книг об истории органов безопасности Камчатки, о неизвестных страницах прошлого нашего края.

Изданные Владимиром Викентьевичем документальные очерки часто основываются на источниках, ранее недоступных широкому кругу исследователей.

Автора отличает хороший литературный язык в изложении событий давно минувших дней. О них Владимир Слабука старается рассказывать без мажорной и минорной ретуши, считая, что для нашего объективного понимания прошлого «обеление» истории еще губительнее, чем ее очернение.

Редакция «Вестей»

ЭХО НОЧНОГО ВЫСТРЕЛА

В одной из пьес позднего советского периода, все достоинства которой сводились к попытке драматурга эзоповым языком ругнуть современные власти, все же содержалась одна замечательная мысль. Автор пьесы взял на себя смелость утверждать, что иногда совершить подвиг гораздо легче, чем оставаться просто порядочным человеком.

Согласен с драматургом. Если не брать в расчет принятые современным обществом

размытые представления о порядочности, то часто верность принципам уже представляется подвигом. Особенно когда речь идет о нашем Отечестве второй половины 1930-х годов. Тогда ситуацию в стране, и особенно в органах государственной безопасности, с полным основанием можно назвать исключительными обстоятельствами, которым посвящена эта книга. Те чудовищные, мерзостные времена рождали своих героев и подлецов...

Оглушительным эхом отозвался в самых отдаленных уголках Камчатки и Чукотки, составлявших в те годы единую территориально-административную единицу СССР, негромкий выстрел из нагана, раздавшийся в Петропавловске на улице Советской поздним вечером 21 сентября 1938 года. Застрелился начальник Камчатского областного управления (КОУ) НКВД капитан госбезопасности Николай Михайлович Давыдов.

О чем он думал, о чем размышлял в безмолвии ночной квартиры, пропахшей кожей хромовых сапог и портупеи да еще невыветриваемым табачным запахом «Казбека» (популярная в Советском Союзе марка папирос), можно только предполагать. На взвинченного недобрыми предчувствиями Давыдова давила оглушительная тишина решительно замолчавшего телефона. С утра не раздалось ни одного звонка. Телефон красноречивой немотой не просто говорил, а кричал о том, что знакомым и подчиненным Давыдова уже известно о выданной ему «черной метке»...

За несколько месяцев пребывания на Камчатке начальник КОУ НКВД особенно близко сойтись ни с кем не успел. Кабинет своего предшественника комбрига Александра Петровича Льва, к тому времени уже расстрелянного в Хабаровске, Давыдов занял в апреле 1938 года. С новым руководителем КОУ, прибывшим на Камчатку с неограниченными полномочиями карать, но без права миловать, местное начальство старательно заигрывало. Давыдову чрезвычайно импонировало, что первый секретарь обкома Василий Иванович Кутейников, а также недавно назначенный директор АКО Порфирий Николаевич Притыко, олицетворявшие политическую и хозяйственную власть на территории огромного региона, настойчиво добивались его расположения.

К своему исключительному положению Давыдов привык еще в Уссурийской области, где несколько месяцев временно возглавлял местное управление НКВД. Но там обидная приставка «врио» и близость краевого руководства мешали ему в полной мере ощутить сладость неограниченной власти. Иное дело Камчатка. На полуострове более могущественного начальника, чем Давыдов, не существовало.

В Петропавловске Кутейников, Давыдов и Притыко все чаще собирались за столом с обильными закусками и выпивкой, выезжали на охоту, рыбалку и пикники. Впрочем, поскольку последнее слово в широкий лексический оборот тогда еще не вошло, пьяные прогулки на природу именовали «выездами». Не исключено, что все трое предчувствовали близкие трагические зигзаги своих судеб, а потому торопились урвать от жизни максимум радостей и удовольствий.

Притыко, как и Давыдов, на Камчатке оказался недавно. Ему, подобно другим начальникам АКО, уже покинувшему место гендиректора акционерного общества, покровительствовал человек, близкий к И.В. Сталину, – секретарь ЦК ВКП(б) и одновременно нарком пищевой промышленности СССР Анастас Иванович Микоян.

Это неоднократно подчеркивал Кутейников в частных и официальных беседах: «Товарищ Микоян указывает нам на создание благоприятных условий товарищу Притыко как новому работнику Камчатки». Впрочем, нового начальника АКО Притыко, как и его предшественника, покровительство Анастаса Ивановича от репрессий не оградило.

Частые пьяные выезды на природу главных камчатских начальников летом 1938 года стали основной темой местных сплетен. Известны слова Давыдова, сказанные водителю обкомовского ЗИС-101 после того, как тот отказался ехать по ужасной таежной дороге: «Чего машину беречь, не вечно жить будем». Эту фразу уже после самоубийства начальника КОУ те немногие люди, которые могли вспомнить о Давыдове хотя бы с каплей теплоты, сочтут предчувствием судьбы. Поводов же для ожидания трагической развязки у Николая Михайловича имелось достаточно.

У чекистов того периода выбор был невелик и трагичен. Они либо становились послушным и активным инструментом репрессий, либо оказывались их жертвами. Но первый вариант не исключал второго. Именно чекисты чаще, чем представители

каких-либо других социальных групп, подвергались арестам.

Свыше 22 тысяч сотрудников органов безопасности СССР в конце 1930-х годов стали

жертвами политических репрессий – это более половины численности оперативного состава, предусмотренного штатом ГУГБ в середине 1937 года.

Во время судебного заседания Н.И. Ежов сказал: «Я почистил чекистов, но огромная моя вина заключается в том, что я мало их почистил...»

К чисткам Ежова следует добавить чистки Г.Г. Ягоды, Л.П. Берии...

Служба в органах безопасности в те годы походила на прогулку по минному полю.

Давыдов безоговорочно выбрал первый путь. Собственно говоря, альтернативы у капитана госбезопасности не существовало.

В марте 1938 года его направили на Камчатку как «карающий бич», как «железную метлу», призванную вычистить местный чекистский аппарат и контрреволюционный элемент полуострова.

Давыдов старался как мог. Ночи не проходило, чтобы в тюрьме КОУ НКВД не появлялись новые «постояльцы».

Из-за того что внутренняя тюрьма НКВД оказалась переполненной, арестованных начали размещать на гауптвахте пограничного отряда. Следствие велось стремительно, однако же документы для вынесения приговоров направлялись в Хабаровск. Иногда этот процесс затягивался более чем на год. Арестованным приходилось в ужасных условиях переполненных камер месяцами ждать своей судьбы без всякой надежды на помилование.

Аресты проводились не только среди партийных, советских работников, хозяйственников, простых обывателей, имевших неосторожность поделиться с соседями «крамольными» мыслями. Самая жесткая чистка развернулась среди чекистов и

пограничников. Большинство сотрудников Камчатского областного управления НКВД и пограничного отряда, служивших под началом комбрига А.П. Льва (до августа 1937 года начальник КОУ являлся одновременно и начальником 50-го Камчатского морского пограничного отряда. – **Авт.**), подверглись репрессиям.

Усиленно собирали компромат и на начальника пограничного отряда полковника Михаила Николаевича Шишкарева. Но подчиненные уважали своего командира за грамотность, принципиальность и прекрасные человеческие качества. Никто не согласился оклеветать начальника отряда.

Уцелевшим сотрудникам Камчатского областного управления НКВД прежнего состава выказывали откровенное недоверие. Чекистов стали делить на «новых» и «старых». Дело шло к тому, что последних вскоре не должно было остаться вовсе. Им доверяли самые грязные дела.

Давыдов требовал арестов все новых и новых «врагов народа». Можно предположить, что подобные указания спускали ему сверху, равно как гласные и негласные директивы о силовых методах воздействия на арестованных.

Подследственных жестоко избивали, допросы длились несколько суток кряду. В качестве меры силового давления использовались наручники, жестко зафиксированные на руках арестованных. Их не снимали по несколько часов. Такие наручники вызывали некроз тканей и, как следствие, – жгучую боль и реальную угрозу потери конечностей.

Гражданам, прошедшим в КОУ через жернова пыток и психологического давления, становилось безразлично, в агенты каких разведок их запишут, в каких диверсиях и контрреволюционных деяниях обвинят. Некоторые ждали смерти как избавления.

Чуть позже, в конце 1938 года, с назначением наркомом внутренних дел Л.П. Берии, такие методы следствия получают даже специальный термин – «липование», – производное от слова «липа», которым еще наши далекие предки считали необходимым прикрывать более определенное понятие – обман.

И все-таки, несмотря ни на что, среди арестованных находились камчатские чекисты и пограничники, имевшие силы сопротивляться. Они не позволяли себе (в угоду зыбким надеждам на собственное спасение) оговаривать других. Стойкость и мужество, проявленные во время следствия, некоторым из них открыли путь на свободу. Но ценой их оправдательных приговоров стали подорванное здоровье, разрушенные семьи, загубленные судьбы...

Нам не дано знать, мучила ли в бреду ночей, когда пьяное забытие уступало место трезвому осознанию ужасающей реальности, совесть Николая Давыдова или его тревожила только собственная судьба. Но хочется верить, что русский человек, 37 лет от роду, не мог не задумываться, во имя чего он обрекает невинных людей на смерть или отправляет на долгие сроки, а то и навсегда в исправительные лагеря. Объективности ради следует отметить, что сам Давыдов в пытках не участвовал.

Возможно, он просто хотел пережить сволочные времена. Не удалось.

Деятельностью его, похоже, в Хабаровске и Москве остались недовольны. Во всяком случае уже в июне 1938 года нарком НКВД СССР Н.И. Ежов подписал приказ о назначении начальником Камчатского областного управления НКВД недавно переведенного из партийных органов на чекистскую работу капитана госбезопасности Александра Петровича Клейменова, который в то время в составе бригады 11-го отдела ГУГБ НКВД СССР находился в командировке во Владивостоке. Однако это назначение по какой-то причине Клейменова не устроило. Он срочно вернулся в Москву и добился приема у Н.И. Ежова. Клейменову удалось убедить наркома отменить приказ с официальной формулировкой «по семейным обстоятельствам».

Тогда Давыдов устоял, но радость его длилась недолго. Вскоре Николай Михайлович с ужасом узнал, что полпред НКВД по Дальневосточному краю комиссар госбезопасности 3 ранга Генрих Самойлович Люшков, по прямому распоряжению которого Давыдов выехал на Камчатку и карательные инструкции которого он старательно исполнял, 14 июня 1938 года нелегально перешел в Приморье советско-маньчжурскую границу и сдался властям марионеточного государства Маньчжоу-Го.

Сегодня существует несколько точек зрения на причины, заставившие известного чекиста бежать в Маньчжурию. Имеет право на жизнь и версия, согласно которой переход Люшкова через границу являлся тщательно продуманной в Кремле и на Лубянке

операцией. В ее пользу говорит и тот факт, что Г.С. Люшкова в 1945 году уничтожили сами японцы.

После перехода границы чекист раскрыл генштабу Страны восходящего солнца только тех советских закордонных разведчиков, которых самураи к тому времени уже нейтрализовали, а также агентов-двойников. Судя по всему, не сдал комиссар госбезопасности Люшков и Рихарда Зорге – со-трудника Главного разведывательного управления Красной Армии, работавшего в Японии под псевдонимом Рамзай.

О существовании советского резидента в Токио Генрих Люшков знал. Связь с Рамзаем поддерживалась через расположенную в Посьете радиостанцию НКВД особого назначения, деятельность которой непосредственно курировал сбежавший комиссар госбезопасности.

Г. Люшков передал японцам также преувеличенные сведения о частях и соединениях Красной Армии. Эти данные на самом деле в значительной степени превышали реальные силы РККА на Дальнем Востоке, что заставило генералитет Страны восходящего солнца с большей осторожностью действовать в отношении северного соседа.

Относительно истинных причин, побудивших Генриха Люшкова перебежать в Маньчжурию, Николай Давыдов, разумеется, знать не мог. Получив известие о побеге полпреда НКВД, он испугался. Последовавшие вскоре события подтвердили опасения Давыдова.

В чекистских органах Дальнего Востока началась очередная чистка. Не осталась в стороне от этого и Камчатка. В пришедшей в начале сентября 1938 года шифровке Давыдова известили о том, что в Петропавловск первым же пароходом направляется группа чекистов во главе со старшим лейтенантом госбезопасности Владимиром Ивановичем Ивановым и его помощником Столяровым.

Цели направленной на полуостров оперативной бригады для Давыдова тайны не составляли. Еще совсем недавно такую же миссию возлагали и на него.

Первая же встреча с Ивановым подтвердила самые худшие опасения начальника КОУ. Ареста Давыдов дожидаться не стал.

Поздним вечером 21 сентября он приставил наган к виску...

Дрожащим пальцем надавил на курок... В последний момент ствол соскользнул в сторону...

Николай Давыдов еще долго оставался в сознании. Скончался он на следующий день. Его самоубийство официально назвали «вредительским актом врага».

Хоронили бывшего начальника КОУ под покровом сумерек за чертой городского кладбища. Вскоре о его могиле забыли...

А Иванов и его бригада принялись «искоренять» последствия «вражеской античекистской деятельности Давыдова». К счастью, со значительно меньшим размахом и остервенением. Несколько сотрудников арестовали и оставили в Петропавловске, других отправили в Хабаровск. Почти месяц они томились в ожидании парохода, пытаясь лечить депрессию неумеренным потреблением спиртного.

Иванов изъяс у следователей пресловутые наручники. Однако ситуация с пытками и фальсифицированием уголовных дел изменилась мало. Хотя поначалу казалось, что есть надежды на большую объективность в поисках «врагов народа».

На оперативном совещании, проходившем вскоре после самоубийства Давыдова, В.И. Иванов отметил, что еще в Хабаровске он знакомился с частью уголовных дел, присланных в краевой центр камчатскими чекистами, и убедился в том, что они «липа» от начала до конца. Подозрения Иванова укрепила его беседа с находившимся в Хабаровске сотрудником КОУ Ноздрачевым.

Участники оперативного совещания ожидали, что после такого вступления новый начальник потребует отказаться от пыток во время следствия и свернуть необоснованные репрессии... Но прозвучало совсем другое, привычное: «Врагов били и будем бить».

На последующих совещаниях В.И. Иванов конкретизировал «новую методику»: «Бить можно, но только с моего разрешения».

Признаться, многих сотрудников такие установки вполне устраивали. Значительная часть чекистов, особенно молодых, пришедших в 1937–1938 годах на смену расстрелянным и отправленным в лагеря опытным сотрудникам, даже не представляли, что имеются другие формы и методы агентурно-следственной работы.

Интересно в этом отношении выступление на партсобрании молодого оперуполномоченного К.Н. Торсова: «Я оперативный работник молодой, еще меньше партийный стаж. Впервые я соприкоснулся с оперативной работой в Западно-Сибирском крае в 1937 году. В свете решений ЦК и СНК от 17 ноября 1938 года работа, которую проводил я, является антипартийной работой, где также имело место «липование», и я, по своей неопытности, считал это правильным.

По приезду на Камчатку я также встретился с неправильными методами следствия, а в особенности, с приездом врага Давыдова неправильные методы ведения следствия – избиения, «липование» – применялись и лично мной».

Областному партийному комитету стало известно высказывание еще одного молодого сотрудника КОУ Савинова, вскоре арестованного за изуверские методы следствия: «Лучше пожертвовать 99 честными коммунистами, нежели оставить одного врага в партии». Да и сам В.И. Иванов во время службы на Камчатке почти в анекдотичной форме признавался: «Да, я приложил руку к отдельным лицам, но эти фигуры являлись провокаторами».

Впоследствии бывший сослуживец В.И. Иванова по Амурской области, начальник

следственной части КОУ А.К. Григорьев поделился с камчатскими коллегами одним фактом из недавней биографии нового начальника Камчатского управления.

Во время службы в Благовещенске В.И. Иванова привлекали к суду якобы за избиение подследственного. Впрочем, суд Владимира Ивановича оправдал...

К осени 1938 года ситуация в стране стала меняться. Раскрученный маховик репрессий Москва начала притормаживать. Все уголовные дела, скроенные камчатскими чекистами в октябре 1938 года по устоявшимся лекалам, вернулись из судебных и внесудебных органов в КОУ для доработки. Никто не ожидал появления 17 ноября того же года постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия».

Было очевидно, что инициатива в разработке документа принадлежала самому И.В. Сталину. Постановление ставило вне закона, во всяком случае де-юре, прежние методы ведения следствия, обеспечивавшие бесперебойное функционирование конвейера репрессий.

О работе в новых условиях – с максимальным соблюдением существующих правовых норм – партком КОУ по указанию сверху провел партийное собрание. Оно проходило бурно и долго – три дня, с 10 по 12 декабря 1938 года. На нем, как водится, «горячо и всем сердцем» поддерживали решения партии и правительства, мужественно каялись в прошлых грехах, клеймили позором подрывную деятельность разоблаченных врагов народа Александра Льва и Николая Давыдова, призывали к усилению борьбы с правотроцкистами и прочим контрреволюционным элементом. Тут же было объявлено о возбуждении уголовного дела за пытки и фальсификацию уголовных дел в отношении оперуполномоченного В.С. Сорокина. Назывались фамилии и других сотрудников, чья следственная и агентурная работа, мягко говоря, не укладывалась в русло новых требований. Собрание не было формальным. Разговор шел очень острый. И все-таки тогда чекисты рассказали далеко не обо всем. Значительную часть сотрудников полуправда устраивала. Но оказалось, что далеко не всех.

20 января 1939 года на заседании парткома один из его членов оперуполномоченный сержант госбезопасности Павел Яковлевич Новиков выступил с заявлением, что пытки, «липование» уголовных дел, аресты невиновных граждан продолжаются и при новом руководстве КОУ. Назвал чекист фамилии избитых и, по его мнению, незаконно

арестованных граждан – Афанасьева, Маган, Ткачева, Чернышова, Кальченко, Осюка, Ельбо, Пичугина, Катаева и других. Как следовало из этого заявления, не стоял в стороне от пыток и «липования» уголовных дел и сам Владимир Иванович Иванов.

Заявление Новикова вынесли на повестку дня очередного партийного собрания, состоявшегося 26 января 1939 года. На нем, кроме сотрудников КОУ, присутствовали Сергей Николаевич Николин, сменивший недавно на посту первого секретаря Камчатского обкома ВКП(б) Василия Кутейникова, и специально прилетевший по этому поводу представитель Хабаровского УНКВД майор госбезопасности Красильников. Собрание вновь оказалось длительным и еще более эмоциональным. На нем присутствовали практически все оперативные сотрудники управления – 19 членов ВКП(б) и 5 кандидатов в члены партии.

Иванов пытался провести партийное собрание по собственной режиссуре. Вначале выступали сотрудники, которые всецело поддерживали начальника управления, не забывая почти в каждом предложении вспоминать об историческом постановлении ЦК ВКП(б) и СНК. Казалось, этими пустопорожними фразами разговор и ограничится и в завершение партийного собрания примут резолюцию, обвиняющую товарища Новикова в политической близорукости. Но не прошло и часа, как настрой партсобрания радикально изменился.

Оказалось, что сторонников у Новикова, к его искреннему удивлению, значительно больше, нежели он мог ожидать. Его поддержали А. К. Григорьев, И. И. Шутылев, Р. Н. Попов и другие. Все они прекрасно понимали, чем может обернуться для них откровенное выступление на партсобрании, но, видимо, чекистам уже настолько опостылело то несправедливое дело, одними из главных действующих сил которого они, волей случая и руководства страны, стали, что сотрудники оказались готовы рискнуть собственной головой.

Поддержал Новикова и секретарь обкома С.Н. Николин: «Мне известны дела НКВД, и вот, когда просматриваешь то или другое дело, то выглядит оно настолько примитивно, кустарно, что не чувствуется глубокого вскрытия контрреволюционной, подрывной шпионской деятельности. Дела проводятся поверхностно, отсутствуют показания свидетелей, очные ставки, а главное, не чувствуется той глубокой агентурно-следственной работы, на которую указывают исторические решения ЦК и СНК от 17 ноября 1938 года...

Работники УГБ должны набраться мужества по-партийному рассказать о своих античекистских поступках, раз и навсегда покончить с ними, и это собрание должно покончить навсегда с теми извращениями, которые имели место в агентурно-следственной работе.

После данного собрания необходимо еще раз посмотреть каждому оперативному работнику свои дела с тем, чтобы был положен конец античекистской практике, которая имела место в КОУ НКВД. После данного собрания никаких оправданий быть не может и за малейшее нарушение указаний партии и Советского правительства будем строго наказывать».

Сосредоточенное молчание, повисшее в помещении, где проходило партийное собрание, ясно говорило, что выступление секретаря обкома угнетающе подействовало на сотрудников. Обстановку сосредоточенных раздумий поспешил разрядить представитель краевого управления майор Красильников: «В ноябре 1938 года в Хабаровск прибыл новый начальник Управления НКВД Никишов, который перед отъездом имел беседу с товарищем Берия.

Он поставил перед ним задачу выправить работу в аппарате НКВД в соответствии с постановлением ЦК и СНК от 17 ноября 1938 года, и те товарищи, которые поймут это и перестроятся в работе, устранят имевшие место извращения в следственной работе, не будут наказаны и останутся работать в органах НКВД».

Такими выводами завершилось партийное собрание.

Вскоре В.И. Иванова перевели со значительным понижением на новое место службы, а затем и вовсе уволили из органов НКВД, но работа чекистов в формате двойных стандартов продолжалась. В оперативных коллективах царила убийственная психологическая обстановка, главной отличительной чертой которой являлось недоверие всех и каждого друг к другу. К этому следует добавить низкий образовательный и культурный уровень значительной части сотрудников.

Начальник внутренней тюрьмы Камчатского управления Немкевич, отчитываясь перед коммунистами об успехах в партийной учебе и повышении культурного уровня, не без

стыда признавался, что за три года из-за максимальной служебной загруженности он лишь однажды сумел сходить в кино, а «от усталости у него болит голова и он не может читать». Этот пример позволяет сделать определенные выводы.

Вполне естественно, что сложная нравственная ситуация в чекистских коллективах не позволяла добиться высоких оперативных результатов, снижала морально-психологическую устойчивость сотрудников. И практических подтверждений тому хватало.

Вскоре после проведенного 26 января 1939 года партийного собрания руководство КОУ для выполнения важного оперативного задания направило в Усть-Большерецк группу из трех чекистов. Возглавил ее Столяров. Кроме него, в группу вошли И.И. Шутылев и секретарь парткома управления А.Б. Полоумов. Состав, как видим, солидный. Сохранивший пока за собой должность начальника КОУ В.И. Иванов не сомневался, что поставленные задачи сотрудники выполнят. В дорогу чекисты отправились на собачьих упряжках.

Когда 2 апреля 1939 года секретарь обкома Николин попросил Иванова срочно зайти к нему в кабинет, начальник КОУ даже не предполагал, что речь пойдет о его сотрудниках, командированных в Усть-Большерецк. Владимир Иванович настраивался на неформальную беседу, но Николин против обыкновения встретил его сухо. После короткого рукопожатия секретарь обкома сразу перешел к делу. Протянув два листка бумаги, он произнес, как показалось Иванову, с плохо скрываемым злорадством: «Посмотри-ка, что твои орлы вытворяют».

На стол перед начальником областного управления НКВД лег милицкий протокол. То, что документ изначально попал в руки секретаря обкома, а не Иванову, которому в те годы подчинялась и милиция, говорило о многом.

Владимир Иванович, вытерев о диагональные галифе внезапно вспотевшие руки, начал читать. Из милицкого протокола следовало, что Столяров, Шутылев и Полоумов всю дорогу до Усть-Большерецка пьянствовали. Останавливаясь в селах на ночевки, надирались так, что самостоятельно не могли добраться до мест, где квартировали. И местные жители доставляли тела бесчувственных чекистов до квартир. А пока сотрудники НКВД еще могли перемещаться на собственных ногах, они в поисках любви заглядывали в дома вдов и солдаток. В пути между чекистами случилось несколько

драк, с видимыми следами которых на лицах они и появились в Усть-Большерецке.

В районном центре все трое остановились в квартире местного сотрудника НКВД, где, учинив пьянку, опрокинули на пол горящую свечу, после чего половина населения поселка тушила вспыхнувший пожар.

До беседы с секретарем обкома Иванов ничего об этих событиях не знал и верить в них не хотел. Прочитав милицкий протокол, чекист решительно заявил:

«Это провокация, товарищ Николин!»

«Я предполагал такой ответ, поэтому распорядился приготовить самолет. С утра вылетаем в Усть-Большерецк», – закончил разговор секретарь обкома.

При разбирательстве на месте сведения милицкого протокола подтвердились. Всех «отличившихся» сурово наказали.

Подобные инциденты в той обстановке, в какой чекисты вели работу, имели свои причины: психика человека не в состоянии выдерживать чудовищные стрессы и постоянные сомнения, наступит ли для него завтрашний день...

А до начала Второй мировой войны оставалось всего несколько месяцев.

И что удивительно: пережив репрессии 1930-х годов советские органы безопасности сумели в конечном итоге переиграть гитлеровские и японские спецслужбы, успешно противостоять разведке и контрразведке наших союзников по антигитлеровской коалиции – Англии и США.

Это настоящий исторический подвиг, и перед ним мы, зная обо всех объективных и субъективных трудностях, с которыми столкнулись чекисты того периода, склоняем головы.

Велика заслуга чекистов и пограничников и в сохранении российского суверенитета над целым рядом отдаленных отечественных территорий.